

Юрий Колкер

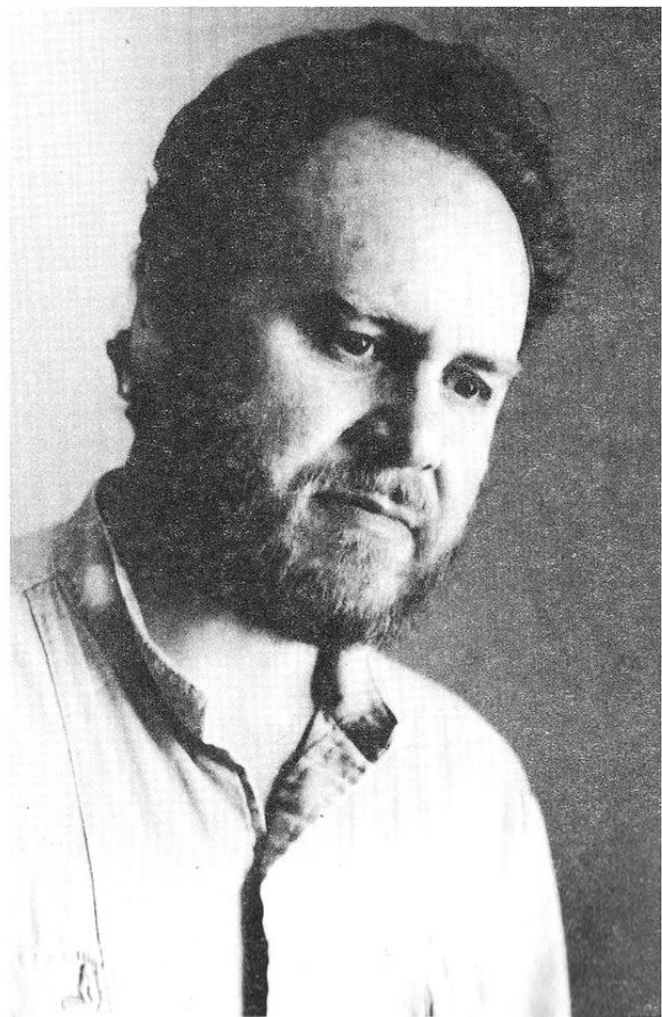
РУССКОЕ
ЗАРУБЕЖЬЕ

ПОЭТЫ
ИЗРАИЛЯ

ДАЛЕКА В ЧЕЛОВЕЧЕСТВЕ

WINTER
EXPERIENCE

Юрий Колкер

ДАЛЕКА В ЧЕЛОВЕЧЕСТВЕ

ББК 83.3Р.

**ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВЛЕНО
ТВОРЧЕСКИМ ОБЪЕДИНЕНИЕМ «СЛОВО»
СОВМЕСТНО С СП «ИНТЕРБУК»**

Х у д о ж н и к *Ю. С. Лылов*

ISBN 5—7664—0436—0

© Ю. Колкер 1990

Стихи эти были написаны в Ленинграде, в годы с 1976 по 1980, и частично пересмотрены в 1989 в Иерусалиме. Почти все они печатались: в журналах «Континент», «Двадцать два», «Стрелец» и др.; в газете «Русская мысль»; в антологии «Русские поэты на Западе» (1986). Некоторые претерпели значительные изменения по сравнению с предыдущей редакцией, однако же место и время их написания остаются определяющими.

Это — не сборник, не избранное, а книга, тон и смысл которой навеяны конкретными пейзажем и атмосферой. Издание новых стихов ни в чем не соотнесено у меня с ностальгией, чьей ласки я пуше смерти боялся там, но так и не узнал здесь. Наоборот, здесь я уверился, что деятельная мысль и нравственное чувство не поклоняются камням и деревьям, труду подневольному предпочитают труд свободный, а любви безответной — любовь разделенную.

18 октября 1989,
Иерусалим — Лондон

Ю. К.

ВОРОБЕЙ И ПСИХЕЯ

Заблуждений земли
Мне забвенья пошли,
И на строгий Твой рай
Силы сердцу подай.

Е. Баратынский

Вы все желали мне добра.
Никто из вас меня не предал.
Друзьями были мы вчера.
На том простите. Мне пора.
Я жил меж вас и зла не ведал —

Но изменились времена:
Душа сочувствия не просит.
Вы все сказали ей сполна —
Крылатая умудрена
И преткновений не выносит.

Другие воды и поля
Меня вплотную обступили.
Под сводом нового жилья
Кассандра нищая моя
Скользит, бела от дольней пыли.

1978

Воробей — терпеливая птица.
Мне, быть может, когда я умру,
Суждено в воробья превратиться
На сквозном ленинградском ветру.

Как само естество, обезличен,
Равнозначен себе самому,
Воробей оттого симпатичен,
Что живет, не вредя никому.

Потому ли, товарищ мой нищий,
Осторожный жилец чердака,
Ты мне дорог, что голос твой чище
И надежней, чем эта строка?

Ничего мне от жизни не надо —
Дайте только пропеть воробью,
Просвистеть в полутьме виновато
Безголосую песню свою.

1978

ДИАЛОГ

Негодование тщето, скорбь пуста:
Для них струны не стоило касаться.
Вся жизнь — неутоленная мечта,
А не Элизий, как могло казаться.

Определилось наше место в ней.
Не сетуем: его мы заслужили.
Другой, явись мы ярче и сильней,
Сограждане канон бы нам сложили.

— Ты в честолюбцах, помнится, ходил...
— А ты порой сочувствия искала...
Теперь не то: с владевших нами сил
Кисейные упали покрывала.

— Отшельничество будет наш Эдем,
Нирвана с ленинградской пропиской.
— Нельзя быть всем — но можно быть ничем
И долею не тяготиться низкой.

1979

Нет на земле ничтожного
мгновенья.

Е. Баратынский

Все это беды человечьи —
О них не станем говорить...
Не плачь! Свари остатки гречи,
Чтоб утром дочку накормить,

Да крошки хлебные в кормушку
Смети для нищих птиц. А мне
Вели закончить постирушку,
Приладить метку к простыне.

Есть важный смысл в занятях малых.
В нем — обойденных торжество.
А кто тебя унижил — жалок,
Он — раб на троне: пусть его...

Нам гордость ведома иная,
Земля просторная, ничья:
Собою жить, не презирая
Ханжу, набоба, палача.

Властителям и судьям тяжек
Живой обыденности миг,
Невнятны судьбы без побряжек
И человеческий язык...

Развешу дочкины колготки,
Отмою кляксу на плите —
И в коммунальном околотке
О вольном возгласу труде.

1978—1989

Чем дальше, тем меньше хочу
Менять этих дней оболочку.
Чем дальше, тем строже шепчу
Мою одинокую строчку.

Она все верней и верней
Одну замыкает орбиту.
Все прошлое собрано в ней
И все предстоящее скрыто.

В кругу примелькавшихся лиц
На дружбу все меньше надеюсь,
Но в душах животных и птиц
Читаю легко, как индеец.

1978

Ума ли, как царь Соломон,
Просить? Но вокруг — легион
Вменяющих небу поправку.
Нет, мы фаталисты. Мы те,
Кто верен своей нищете, —
И нищими явимся в ставку.

Природа не терпит пустот,
Чем сходна с душою. Я тот,
Кто нужен. Как гость у колодца,
Я здесь не случаен: со мной
Мой посох, мой жребий земной, —
И пир без меня не начнется.

1979

Любовь — непозволительная блажь.
Влюбляться, быть отвергнутым, любимым,
Все как-то стыдно в век счастливый наш,
Смешно, актерским выведено гримом.

Твой собеседник — в тридцать лет старик.
Жизнь кончена, остались гнет и мука, —
Примерь ему напудренный парик,
Друг шалости, удачи и досуга.

Куда девался крохотный Руссо,
За пазухой сидевший проповедник?
Нас переехавшее колесо,
Сдается мне, еще не из последних.

1978

Ты — зерно справедливости, детство!
Символ Зорро вспорхнет со стены
И взлетит, озирая наследство
Ни на что не похожей страны.

Соучастьем, наивностью жеста
И надеждой прохожий согрет:
Вдруг и в жизни отыщется место
Твоему сиротливому зэт?

1978

Правота, как душа, с человеком
Неразрывна, в него вживлена.
Отрывавшись над вечным ночлегом,
В неизвестность уходит она.
Застывает ее содержание —
Точно ангел извлек электрод
Из раствора, гася мирозданье,
Обездвиживая небосвод.

Правота, как душа, человека
Продолжает по смерти его,
Бездедушками нового века
Невзначай оттеняя вдовство.
Нашей крови, меж нами скитаясь,
Ищет, плоти алкает в родстве, —
Вдруг себя обретает в тебе.

1978

Мала, точно демон Максвелла,
В пылинке сгорая дотла,
Ты, девочка, ввысь улетела —
И счеты со мною свела.

К чему, астеничная Муза,
Ты смерть в моей копишь крови,
Не ценишь земного союза,
Бежишь постоянной любви?

За долгую нашу разлуку,
За совесть больную мою,
За ласку твою и за муку —
Тебя все сильнее люблю.

А ты, проникая сквозь атом,
Энергию слова храня,
Поводишь крылом виноватым —
И не вспоминаешь меня.

1977

АНГИНА

Лишь ангина и может вернуть
Позабывтые контуры, звуки...
Заболеть — как в себя заглянуть,
Суеты отрешиться и скуки.

Там, в гербарии счастлих и бед,
Вдруг живые отыщутся почки:
Твой младенческий велосипед
Или две хореических строчки.

Сколько лет ты их тщетно искал,
Как шутила с тобой Мнемозина,
Сколько важных ты слов пропускал,
Среди них ключевое — ангина.

Мимолетная гостья, твоя
Правда — время тебя не заботит.
Не хотел выздоравливать я,
Но пришлось. Мой будильник заводят.

Ничего я не помню. Забыл
Красоту, для которой трудился.
Пробил час — оболочку пробил
И в молочную вечность скатился.

1979

Судьбу цветка с судьбой вселенной
Положим на весы: одна
Им, а равно и нашей тленной,
Высвечивается цена.

Тот день на Куликовом поле
И вся история твоя
Ничуть не перевесят доли
Космополита-воробья.

1978

ДВА ПОЭТА

Пошлость вечна — и вечны стихи.
Два поэта ко мне обратились.
Непохожие их языки
Так чудесно в родном преломились...

Два счастливица из тьмы вековой,
Двух империй птенцы: в средиземной
Первый жил, в поднебесной — второй,
А сошлись — не скажу, что в тюремной...

Европеец, две тысячи лет
Стих твой ясный ко мне простирался.
Азиат, не меня ль твой привет
Ждал шестнадцать веков — и дождался?

Европеец, ты учишь меня,
Как добиться известности лестной.
Азиат, ты сидишь у огня
На полу твоей хижины тесной.

Европеец, что я пропою,
Ты рассудишь и взвесишь без скидки.
Азиат, ты мотыгу твою
У терновой оставил калитки.

Оба правы. Но родственный гений
Мне диктует сквозь толщу веков:
Не хочу никаких поучений,
Прост мой разум и беден мой кров.

1978

ТОРЖЕСТВО ФЛОРЫ

Пустое все: не страшно жить,
Не холодно ничуть!
Не трудно боль остановить,
Сжимающую грудь.

Аякс бросается на меч —
Не важно! Все цветет.
Ты мертв, но не смолкает речь,
И празднество идет.

О Флора дивная, пройдишь
По улице моей,
На краткий миг остановись
Здесь, у моих дверей...

1977

Увы! Промчался этот юный
Прелестный век —
Лавиной лиственной и струнной
Чудес и нег.

Увы, простушка! Оперенье,
Прощай. Забудь,
Птенец, стихотворенье,
Воздушный путь.

Бог любит нас, как орнитолог
Пернатых: стих —
Полнейшая из всех тяжелых
Его улик.

1979

ВНУЧКА И ДЕД

Девочка спит и растет.

Лобик высокий потеет.

Майское небо светло.

Чайки в четыре утра

Вдоль розовеющих вод

белыми духами реют

Или на льдинках плывут,

головы набок склонив.

Встану, накину пальто.

Холод и влагу глотая,

Через Кричевский к мосту

выйду в прозрачную мглу:

Кажется все: над рекой,

будто меня ожидая,

Стройный, еще не старик,

он одиноко стоит.

1977

Когда зимой грустнеют птицы,
И Летний сад в снегу,
С тобой одним, певец Фелицы,
Я в мире жить могу.

Все, чем эпохи наши схожи,
Я принял, гнет терпя.
Мне скучно с теми, кто моложе
И опытней тебя.

И нам легко сойтись о главном,
Найдя ответ в добре,
В саду с окоченевшим фавном
В дощатой конуре.

1977

ПОДРАЖАНИЕ КИТАЙСКОМУ

Ты, воробей,
как человек, пластичен:
Всюду живешь,
где живет человек,

К жизни любой,
как и он, привыкаешь,
Розу ветров
держишь в клюве твоём.

Берег Янцзы
сближает с берегом Темзы
Выпраст твоих
быстрых, коротких крыл.

Всем, воробей,
ты сродни человеку —
И для тебя
в сердце есть уголок.

Ближе к зиме
я сколочу кормушку
И за окном
нитками укреплю.

1979

ВОРОБЕЙ И ПСИХЕЯ

Где кирпич и железо,
Провода и стекло,
Жив пернатый повеса
Лютой стуже назло.
Век бездельника краток,
Песня — нищенский вздор;
Скуден миропорядок,
Где он крылья простер.
Из недели в неделю
Жизнь случайна, скучна —
Но над этой скуделью
Миротворит *она*.
Два крыла, хоть не птица.
В том же углом мирке,
В том же прахе ютится
На сыром чердаке.
Два крыла, хоть не птица...
В мире мокнущих крыш
Пролегает граница,
Что не вдруг разглядишь.
Два неродственных света,
Отразившись, сошлись:
Воробьиное гетто,
Олимпийская высь...
Чуть вспорхнешь — отступает
Механический лом:
Сад Психеи сияет
Под убогим крылом.
В кущах, где непреложно
Воцарилась она,
Справедливость возможна,
Простота не смешна.
Здесь голодная косность
Не идет по пятам,

Здесь возможна серьезность,
Неприличная там.
Для гонимых, бездомных
И обобранных — в них
Вечных смыслов питомник,
Вечной неги родник.
Оттого все теснее
В этом капище муз
Воробья и Психеи
Равноправный союз.

1979—1989

МОЛИТВА

Ты сомневаешься в Себе,
В Своем существованьи,
Поддержки ищешь Ты в мольбе,
В моем слепом стенаньи;

Стиха сканирующий луч —
Вот вся Твоя опора;
Мой дар — к ларцу Кашея ключ.
Прости же, Отче, вора!

1979

Что проку в страсти? Нет пустей
Поверья, чем о ней.
Я — только черновик вестей
Твоих, Ты — мысль во мне.

Неужто вечные стихи
Подогревает страсть?
Неужто ценит пустяки
Надчувственная власть?

Ты, кто последние слова
Нам впрыскиваешь в кровь, —
Любовью мысль Твоя жива:
Но мысль и есть любовь.

1979

EX ADVERSO

Отгородясь фигурной скобкой,
Мостки над хлябью навести,
На почве гибельной и топкой
Заставить сладкий мак цвести —

Дурмящий и жаркий кратер,
Из мрака вызванный цветок, —
Твоих трудов, *мелиоратор*,
Достойный зависти итог.

Он легкий сон тебе навяжет,
Поможет боль благословить,
И сам со временем укажет,
Где скобку круглую закрыть.

1978

Приятель увлечен пластической строкой
В чести полузабытого поэта —
Там Орковы поля, полуденный покой
Тавриды, Мойры тягостная мета;

Там все не так, как здесь. Пересечешь между —
И асфодели покрывают поле...
Я слушаю — и сам не нахожу
Для чувственного ни мечты, ни воли.

Что страсти грубые, когда ты у дверей?
Служи тщете, япетово наследство!
Неужто и душе нет входа в эмпирей
Без их земного, низкого посредства?

1979

МОЛЧАНИЕ ПРОРОЧИЦ

Двух беглянок, двух вещих сестер
С берегов Адриатики дальней
Узкий остров трапецидальный
Приютил с достопамятных пор.

Клии выверты, жизни изнанка
Внятны им — оттого и бледны
У порога полночной страны
Европеянка и Африканка.

Но не жалуют дар их античный
Лестригоны... У невских куртин
Пушкин кланялся им и Кюстин
С правотою своею частичной.

Кто поверит у нас гороскопу?
Что за вздор на устах у сибилл?
«Европейцев — упрячут в Сибирь,
Африканца — не пустят в Европу...»

Сбивчив, дик в наших топях оракул:
«Мор да глад, да большой маскарад...»
А *народу-кормильцу* твердят:
«Образумься, пока не заплакал...»

Вот и сникли, молчанием тяжким
Облеклись. Та глядит на восток,
А другая — на запад. Жесток
Русский бог. Век не в пору бедняжкам.

Сменяет Эпикура Эпиктет,
Как негу летнюю сменяет осень.
Так, милый друг! Мы не печальны, нет,
И к прошлому привязаны не очень.

Столь в этой жизни нам принадлежит
Немного, что должно быть счастливым:
Ее руно нетронутым лежит
Перед твоим сознанием терпеливым.

1978

ТЕНЬ ПОЭТА

Полночный этот шаг (чуть глуше, чем людской,
Хоть и усилен подворотней)
Так тягостно знаком — и так похож на мой...
Не эхо ли? Но нет: свободней...

А кто навстречу шел, тот зонт слегка скосит,
Чтобы лица не видно было, —
И тут уж знаю я, чей властный дух сквозит.
Крепите, плотники, стропила!

Живых телеснее, плотнее естества
И естеству повелевая,
Зачем являешься? Уж не в мои ль слова
Вместится мощь твоя живая?

Не нужно, уходи... Ты не у моста здесь.
Земля не сделалась греховней.
Господствуй меж духов, не высылай на месть
Мой стих младенческий, сыновний.

Оставь мне жребий мой. Не сумерки, а тьма
Расселась в необъятной зоне.
Пусть будет все, как есть, сума или тюрьма,
Пусть смерд останется на троне.

Что сердцу ведомо — не снилось мудрецам.
Со мной твое горацянство:
Страна, открытая нездешним голосам,
Теней возлюбленных пространство.

1979—1989

Воробей — осторожная птица.
Я хотел бы, когда я умру,
Все забыв, в воробья превратиться
На сквозном ленинградском ветру.

В нем природа, на шутки скупая,
Многозначность явила свою:
Всем он равен, во всем уступая,
Чайке, ласточке и соловью.

Но не им, сэкономив горбушку,
Зимним днем, отрешась суеты,
За окном наполняешь кормушку,
Далека в человечестве, ты.

1979

Милая, сине-зеленый
Вижу огонь вдалеке:
Это трамвай отдаленный
К дому бежит налегке.

Пламя уже облизало
Мокнущей площади щит.
Скоро и нас у вокзала
Он подберет и помчит.

Рядом, на заднем сиденьи,
Сядем в вагоне пустом.
Это такое везенье —
Ехать и ехать вдвоем!

1977

ПОСЛЕ ЭДЕМА

Подайте мне свирель простую.

К. Батюшков

Между жизнью и смертью граница,
Перепонка меж злом и добром
Шелохнется — и воздух слонится,
Словно птица взмахнула крылом.

Не проводят меня и не встретят.
Дверь прикрыта, петух не кричит.
Здесь ли все еще я — кто ответит?
Даже ангел-хранитель молчит.

Растворима, как ломтик тумана
В голубой пелерине весны,
Так устроена эта мембрана,
Что видна лишь с одной стороны.

1975—1989

Что легкость любовницей нашей была,
Того и припомнить нет сил.
Как женская рифма, сирень отцвела,
Наш гений язык прикусил.

А право же, было! Свидетельства есть.
Беспечная песня лилась.
Еще не благая — блаженная весть
В нас ямбами отозвалась.

Эллада гостила за нашим столом:
Афины, Локрида, Эпир,
В пластической неге несметным числом
Надежд населяя эфир.

Наш гений не в легком ли жанре хорош,
Пристоен не только ли в нем?
Не вся ль его прелесть — субтильная ложь
Любви — в преломленьи двойном?

Февраль на пороге — нельзя ли свечу
В тот храм опустевший внести!
— Не знаю, не знаю... и знать не хочу.
Я очень устал, отпусти.

1979

Через весь воображимый стыд,
Через низости и униженья,
Через строй бессмысленных обид
Мы прошли, и это — достижение.

Незачем родиться подлецом,
Чтобы знать, как подлость подступает
С искаженным, взмыленным лицом —
И тебя в бараний рог сгибает.

Мы не уступали без борьбы.
Давний счет у нас, от школьной парты, —
Но не сломишь происка судьбы,
Промысла, тасующего карты.

Есть, должно быть, тайный смысл, и цель
Быть должна, иначе оправданья
Не найдет земная канитель,
Твердь не выстоит и мирозданье.

1980

В. С.

Что счастье? — Картуш, завиток,
Трилистник извечный,
Сырого тумана глоток
Да день быстротечный.

Глупею, как вспомню о нем.
Сомненьем унижен
Рассудок мой. Слякотным днем
Мой дух бездвижен.

Напрасно берет карандаш
Баженов-строитель:
Неправда, что счастье — пейзаж.
Не прав мой учитель.

С оглядкой на невский туман,
Каноны и схемы
Храню я строку-талисман
Из детской поэмы.

Люблю этот нежный брелок.
Он — средство от транса,
Лекарство от блох, уголок
Другого пространства.

Скучна мне любая модель
Без примеси страсти.
Известно, что счастье — не цель,
Но цель — это счастье.

1980

Наша правота
измеряется удачей.

Н. К.

Гамаша за бюст Геродота
Засунув, к поэту она
Бежит, вся — порыв и свобода,
С тетрадкой, надежды полна.

Ты знаешь, что станется с нею,
Всю жизнь, на полвека вперед:
О чем же грустить тут? — Болею
Душой за нее... пусть идет!

День весел, кипением налит,
Как море, бескрайне житье,
Сейчас знаменитость похвалит
Прелестную музу ее.

Под сенью гостиничных комнат
Певца вдохновенье проймет —
Похвалит, надолго запомнит,
На смертном одре помянёт.

Но ей улыбнется призванье
Другое, что тоже — в крови:
Очаг гименеев, страданье
И готика женской любви.

Из Кракова, Ульма, Брюсселя
Святые в несметном числе
Ее поощрять прилетели,
Освоились в Детском Селе.

Голодному времени в пику
Писателя княжеский быт
(Где слуги и бьюик для шку)
Счастливица благословит.

На две ее важных дороги
Одна путеводная нить:
К обеду — доставить миноги,
К рассказу — стихи сочинить.

И век изуверский не страшен —
Лишь только над зодчим встает
Ажурных и стрельчатых башен
Им выведенный хоровод.

Прекрасное зданье!.. Как дико
Ей будет остаться одной,
Когда упадет базилика,
Сейсмической смыва волной!

Над грудой священного сора
Отыщет ли времени связь?
«Страданье — начало позора»,
Промолвит, в последней смирясь

Беде... А куда — из детской,
Где плюшевый мишка лежит,
Задолго до воли советской
Девчонка к поэту бежит.

Ее проводить не мешало б
Тебе по весенней Москве,
Но нет ни предчувствий, ни жалоб —
Блаженная дурь в голове.

1977—1989

Чего хочу? Всего,
со всюю полнотою...

Н. О.

Военную музыку Герцен любил.
Мне слышится дробь барабана.
Нелепый Исакий торчит из стропил,
Без купола, в клочьях тумана.

Мне внятны валторны воинственный рев
И флейты дорической звуки —
Но струнные предпочитал Огарев
И сам сочинял на досуге.

Он не был вождем. Изводился, раним,
Сердечного ради союза —
Меж тем чуть не плача витала над ним
Его обойденная муза.

Он с нею свиданья продлить не умел.
Ни в чем не далась ему мера
Созвучья, кладущего водораздел
Супружества и адюльтера.

За другом спешил, с неопознанным злом
Сражался, сесть уже начал,
Когда ж оглянулся — у той под крылом
Был Лондон, и Гринвич маячил.

Не здесь ли извечная наша беда?
Душа всеохватности просит —
И цельного мы сторонимся труда,
Который к блаженству выносит.

1980—1989

Наглотались мы сладкого яда.
Ты — наперсница вечности, грусть!
Мне с тобою и счастья не надо:
Все пустое, за что ни возьмусь.

Иллюзорны его оболочки:
Дружба, душ неразрывный союз...
Я не знал, каково в одиночке.
Привыкаю теперь. Перебыюсь.

1978

ГАМЛЕТ В КОТЕЛЬНОЙ

Есть это и это — и я не знаю, что лучше.
Кто ясен и весел, тот в *общем и целом* прав.
Идея царит недолго, и мненье — летуче,
Они исчезают, до нитки нас обобрав.

Идея, как женщина, вьет из нищих веревки,
И комплексы наши идут по той же статье
Растрат и просчетов. И что возразишь воровке,
Щита не имея в обществе и семье?

Цветок твой прекрасен, но средств я боюсь пахучих.
Я болен сомненьем, а это — скверный недуг.
С проблемой выбора не был знаком поручик,
Умевший с холодным вниманьем смотреть вокруг.

1980

НОЧНАЯ ПРОГУЛКА

В начале мая весел кочегар:
Сезон идет к концу. Ему не спится.
Дочитан Кьеркегор. Сползая с нар,
Он ежится — и вяло матерится.

Гороховая улица блестит,
Дождем промытая. Неразбериха,
Как конница, в мозгу его летит.
В родильном доме, что напротив, тихо.

Адмиралтейство. Три часа утра.
Светло. Мелькнули белые фуражки,
И женский визг слышался. Ура!
Из стен твердыни выпорхнули пташки.

Фонтан безмолвствует. Задрав штаны,
В нем бродит седовласый алкоголик
И собирает мелочь. Серп луны
Увяз концом в небесных антресолях.

1980—1989

ПОСЛЕ ЭДЕМА

Там — мы были детьми,
это значит:
мы были умней, —
Обвиняю в измене того,
кто об этом забыл.

(1964)

Яблоко съедено. Будешь страдать и трудиться
В тундре, а не в палисаднике, вечно один.
Где безмятежность недавняя? Путь твой двоятся —
Где тот хитрец, что закапал тебе атропин?

Мысль твоя — точно инфанта без мамок и нянек:
В малом — беспомощна, детски надменна — в большом.
Метафизический — он и обычный изгнанник,
Нет ему пристани в мире огромном, чужом.

Ева покуда с тобой, да глядит виновато.
Не узнает — и сама хороша в нищете.
Новая истина — новое иго... Утрата
Явственно сознана. Те же мы с ней, да не те.

Чем мы с ней только не тешились? Горя не знали,
Славили боль, человечеству лавры плели,
С Марком Аврелием плакали, с графом пахали —
Больше ни влаги, ни пахотной нет нам земли.

Краток наш сумрак, преступно соприкосновенье,
Афористичен сожительства терпкий язык.
Вот твое имя, мой разум померкший: мгновенье.
Вот твоя сущность, планида моя: черновик.

1980—1989

СТАНСЫ К СОВЕСТИ

Лишь больные и дети ведут дневники —
Что же долее медлить? Начнем.
Твой мерцательный пульс — аритмия строки —
Намечается в небе ночном.

Жизнь была бы прекрасна, но ты — мой кошмар:
Ты и радость, и мука моя.
Говорят, за тобою ухаживать — дар:
Кто, *бездарный*, несчастлив, как я?

Тот, чьей тенью я в этих пространствах ведом
Был, как я, идеала должник,
Совершенства искал, изводился стыдом
И под гнетом соблазнов поник.

Резонерством не спасся, и нам не спастись —
Ну, а все же?.. кто знает! а вдруг
Дневниковая исповедь, твой фронтиспис,
Облегчит застарелый недуг?

Невозможно мне было, пока ты слаба,
Не отдаться капризам твоим, —
Но целительным свойством известны слова,
И душа моя тянется к ним.

Слово властвует: зависть, распущенность, злость
Разрушительных сил лишены.
Выздоровливай, деточка. Средство нашлось.
Мы друг другу почти не нужны.

1979

БЛУДНЫЕ ДЕТИ

Память мудра: на кошмары наложен запрет —
Но не всеильна: оставлен простор укоризне.
Бедная девочка! Если назад посмотреть,
Сколько мы с нею наделали дел в этой жизни...

Стоило души нам терпким стыдом напоить
И поумнеть, как последняя гавань маячит.
Если и впрямь отчитаться во всем предстоит —
В этом и казнь, непомерней не мог Он назначить.

1980

ЧАЙКА

Пари, мой гений, гальциона —
Над гладью меркнувшей реки,
Под синей твердью небосклона,
Ухмылкам черни вопреки.

Твои крыла в лазури тонут,
На них Создатель славу льет,
Людскою низостью не тронут
Твой ослепительный полет.

Пока твое круженье длится,
Вся жизнь — сплошное торжество.
Пари, чтоб смыслом поделиться
Со мной, теряющим его.

1979

Зима наступает, Вивальди спешит
В притихшие наши сады,
Лист ветхий, как марля, уже не шуршит,
Осунулись неба черты.

Не этим ли утром петунья цвела,
Лобелия и ноготки,
В головку цветка проникала пчела,
И чайки паслись у реки?

Должно быть, мы долго бродили с тобой:
Свинцовой сделалась синь,
Приблизились скрипки, померкнул гобой,
И ясно звучит клавесин...

1980

МИНУТЫ ВОЛЬНОГО ТРУДА

1

Мальчик о счастье писал.
Тему он знал безупречно.
Кто его труд направлял?
Дух, пребывающий вечно?

Счастье — особый предмет.
Тот, кто несчастлив, не знает,
Чей гипнотический свет
Волю к труду поощряет.

Окна распахнуты в сад.
С нотами мраморный столик,
Осень, и мальчик ей рад —
Счастлив, прилежный католик.

Сон мимолетный бежит
Детской просторной кровати.
Что на пюпитре лежит,
Кто — Мысливечек, Скарлатти?

Нас, чтобы выжили мы
В Зальцбурге немзыкальном,
Моцарт выводит из тьмы
К радостям нематерьяльным,

Нас, если труд уступил
Место сомненьям и скуке...
Тот, кто несчастлив, забыл
Моцарта сладкие звуки.

Я вспоминаю иногда
 (хотя и память — плод запретный)
 Как поздней юности года
 Светились ясностью заветной.

Не знали болей головных
 И подлой каторги служебной
 Вобравший будущее стих
 В союзе с музыкой волшебной.

Не слишком юность дорога —
 Но тем милы воспоминанья,
 Что возвращают берега
 Незамутненного сознания.

Я вспоминаю иногда,
 Как если б счастье возвратилось,
 Минуты вольного труда,
 Судьбы неслыханную милость...

Он был еще молод, когда,
 Прося подаянья,
 За ним увязались нужда,
 Тоска и страданье.

Он был еще полон собой
 И полон надежды,
 Когда его тесной гурьбой
 Обсели невежды.

Я знаю, что времени нет,
Иссякло терпенье,
И все-таки счастье — предмет
Его вдохновенья.

Я знаю, как жизнь невзначай
Становится болью,
И все-таки — счастье: пускай
Не с ним, не с тобою...

1976

У женской нежности
завидно много сил.

И. Анненский

Ты, ласточка, вольна, а вольности не спится —
Лазурью и листвою осмыслен твой полет.
Ты — спица в колесе поэзии, ты — жница
Воздушных струй, ты — нежности оплот.

Я имя милое хочу связать с тобою,
Семь смыслов, семь страстей сосредоточить в нем,
Семь истин приручить — а ты меж тем восьмью
Увлечена в лазурный водоем.

Лети, одушевляй! Ты выше аллегорий.
Беспомощны слова. Лишь вечный небосвод
Вместит твою мечту, твой ареал, который
Несбыточною нежностью живет.

1980—1989

ПЕСНЯ

Она под небом Крыма,
Где даль ясна, где мысль вольна, —
Моим стихом хранима,
С морской волной дружна.

Волна бежит от Крита
Через Босфор до Крымских гор —
И блеском nereида
Спешит насытить взор.

И я бы мог на юге
Не знать забот у древних вод,
Но ласточка разлуки
Гнездо над нею вьет.

1980

ЕЕ ПОРТРЕТЫ

Вот фотографии. Осталось их немного:
Одни я выбросил, другие потерял.
Ты хороша на них: живым дыханьем Бога,
Нектаром юности проникнут матерьял.

Как в пору ту мы все блаженны, даровиты!
Лишь нет еще судьбы: она шумит в листве.
Поди скажи в наш век: волшебные ланиты,
А все-таки скажу, останусь в меньшинстве.

Канова их ваял, расписывал Понтормо,
Но дорианов бес не дремлет на посту:
Я прикасаюсь к ним — и оживает форма,
И милые черты стареют на лету.

1980

РЕФЛЕКСИЯ

Корковое вещество,
Звезды осенние, жальте!
Нет впереди ничего —
Трещина в мягком асфальте.

Трещина, ссадина, боль,
Стыд... Над асфальтовым полем
Кто-то мне шепчет пароль:
Легче играй, мирандодем.

Долго ли в доме пустом
Вытянешь? Долго ли душу
Здесь, над Литейным мостом,
Вывернуть в слякоть и стужу?

Овеществленный каприз
Звездной расхлябанной жижи
Долго ли вытолкнуть из
Экологической ниши?

Коконь дальних миров,
Вязь шелкопрядов вселенной
Входят под нищий мой кров
Трещиной смысла нетленной.

Ожесточась в пропастях,
Взвившись до символа злого,
Душу снедает пустяк...
Кто усмирит его? Слово?

1979—1989

Как шумный ливень, необуздан гений,
Не мыслит он, но твердь животворит.
Он не союзник умудренной лени —
И нас торопит фортку затворить.

С остолбененьем наша мудрость схожа.
Надежен ствол ее, да корень сух.
Рефлексии пожизненная ноша
Надкушенный отягощает дух.

Меж тем как он, не вглядываясь в средства,
Вычерпывает суть свою до дна,
Коллекциями сумрачного детства
Твоя наперсница поглощена.

И ей подобна, в боль свою вникая,
По эту сторону добра и зла,
Исхлестанная веточка нагая
Качается, касается стекла.

1979

Дискретен мир: в нем счастье — форма,
И панацея смысла — знак.
И наша птица ищет корма
В блаженных сгустках, в именах.

Она вспорхнет — и мы под сенью,
И гений сам в себе счастлив,
И с ним — символ уединенья,
Египетский иероглиф.

Рассыпано в стенах Уффичий
Ее жемчужное зерно.
Но что обведено границей,
То совершенства лишено.

И — мимолетно счастье птичье, —
В ее гнезде — не счесть потерь.
Твердил я в детстве: «Беатриче...»
Мой Данте, где твой друг теперь?

В своей поверхностной работе
Любовь шедевры создала —
Но кистью не удержишь плоти,
Резцом — сердечного тепла.

И как ни благостно касанье,
И что нам форма ни сулит,
За ними — осень, угасанье,
Да стук колес, да степь пылит...

Нерасчлененного объема,
Бездонных, вечных пропастей
Создатель — Бог: везде он дома.
Поверхность создал — Асмодей.

Над артистическою паствой
Сей верховодит на земле,
И клятва *разделяй и властвуй*
Горит на творческом челе.

1980—1989

АТТИЧЕСКАЯ МИЗАНТРОПИЯ

Зачем так назойливо гонят,
Так немилосердно теснят?
И лучший слезы не уронит,
Над болью твоей не застонет, —
А тут Эвридику хоронят,
Психею спровадили в ад.

Смешаться бы с пылью дорожной,
Откинуть, отринуть, забыть...
В субстанции этой подножной —
Единственный пафос надежный,
Единственный способ возможный
Япетовых внуков любить.

1980

ЭЛЕГИЯ

Мы — гордость
с бедностью совместна.

Г. Державин

Когда я был молод, меня нищета привлекала.
Казалось, для мысли она и для гордости место дает.
Италия с ней уживалась: большое лекало
В оправе тирренских и адриатических вод.

Предчувствие славы служило ей выгодным фоном —
И Муза беспечно авансы ее приняла.
Мне виделся храм с ионическим нежным фронтоном,
Тропинка над кручей — и вечность игрушкой была.

Тебя, приобщения пафос, я помню... Какие
Картины являлись на твой вдохновенный призыв!
Как сладостно вымолвить было: *Чивитта-Веккия*,
Забыв перевод и акцент невзначай исказив.

Миланский мальпост (виновата французская проза)
Таинственным образом мысли моей угождал,
И рядом с чеканкой имен — Ватикан, Бельджойозо —
Подделкой и пошлостью выглядел звонкий металл.

Был беден Стендаль, и хотелось свободным, влюбленным
Остаться (влюбленным — слегка, а свободным — вполне)...
Но Герцен уже прокатил со своим миллионом
По Корсо и дальше, в Неаполь, и кланялся мне.

Когда я был молод, я бедность любил понаслышке,
Не знал про особенный, русский ее вариант, —
Но Бог справедлив, и судьба улыбнулась мальчишке,
Патент неудачника выправив мне, как талант.

ЛИСТОПАД

В саду ли, где мрамор шербатый грустит,
Где Полдень с лицом Каракаллы стоит,
Сжимая короткие стрелы, —
Не здесь ли надежду я вновь обрету?
Три нежных сивиллы со мною в саду,
А в будущем — те же пробелы.

Иду, и гербовые листья летят —
Кленовые, будто напомнить хотят
О заокеанском соседе:
Я вижу судьбы его гибельный срез,
Прощальный визит, атлантический рейс,
И сердце в привычные сети

Летит — не ему ли шепчу: «Прекрати!»
Но шепот другой различаю в груди:
«Прощай же! До нового рейса!
До близкой, до нашей далекой весны...
Готовят нам ящики — мы спасены...»
Мой лист атлантический, взвейся!

1974—1980

СТАНСЫ

В ущелье города глядит твое окно:
В долину крыш и стен, в ложбину труб и окон.
Светает, всюду снег. И ты, сказать смешно,
Мечтою ни о чем, как в юности, растроган:
Ее нельзя назвать, нельзя определить...
И сладкий этот миг нельзя, нельзя продлить.

Над этой пустошью рассвет невыразим.
Окошко там, внизу, оранжевым сияет
Пятном — в который раз? Подумай, сколько зим,
Что утро, тот же стих тобой овладевает,
И веет на тебя младенческий покой
Свободой от забот и суеты людской!

В ущельи крыш и стен, где комната твоя,
Разбойничья нора, отшельничья пещера, —
Вороньи пастбища, уголья воробья
Здесь Гесиода ждут, а утро ждет Гомера.
Усталость не прошла: вчера ты поздно лег,
Но некий горный дух в свой бег тебя вовлек.

Прощай, теченье дней! Прощай, трехмерный мир!
Прощайте, прелести пустынного пейзажа!
Случайной жизни дар, больничный сувенир, —
В рентгеновских лучах распалась правда ваша.
Пожизненная мгла очей твоих бежит,
И вечность, как брелок, тебе принадлежит.

1980

ДРУГИЕ КНИГИ ЮРИЯ КОЛКЕРА

1. **Послесловие.** Стихи 1972—1978. Изд-во *Лексикон*. Иерусалим, 1985.
2. **Антивенок.** Сонеты.— Изд-во *Персефона*. Иерусалим, 1987.
3. **Собрание стихов В. Ф. Ходасевича**, в двух томах Изд-во *La Presse Libre*, Париж, 1983—1984. (Составление, комментарий, редактирование и биографический очерк.)

СОДЕРЖАНИЕ

Воробей и Психея

«Вы все желали мне добра...»	8
«Воробей — терпеливая птица...»	9
Диалог	10
«Все это беды человечьи...»	11
«Чем дальше, тем меньше хочу...»	12
«Ума ли, как царь Соломон...»	13
«Любовь — непозволительная блажь...»	14
«Ты — зерно справедливости, детство...»	15
«Правова, как душа, с человеком...»	16
«Мала, точно демон Максвелла...»	17
Ангина	18
«Судьбу цветка с судьбой вселенной...»	19
Два поэта	20
Торжество флоры	21
«Увы! Промчался этот юный...»	22
Внучка и дед	23
«Когда зимой грустнеют птицы...»	24
Подражание китайскому	25
Воробей и Психея	26
Молитва	28
«Что проку в страсти?...»	29
<i>Ex adverso</i>	30
«Приятель увлечен пластической строкой...»	31
Молчание пророчиц	32
«Сменяет Эпикура Эпиктет...»	33
Тень поэта	34
«Воробей — осторожная птица...»	35
«Милая, сине-зеленый...»	36

После Эдема

«Между жизнью и смертью граница...»	38
«Что легкость любовницей нашей была...»	39
«Через весь воображимый стыд...»	40
«Что счастье? — Каргуш, завиток...»	41
«Гамаша за бюст Геродота...»	42
«Военную музыку Герцен любил...»	44
«Наглопались мы сладкого яда...»	45
Гамлет в котельной	46
Ночная прогулка	47
После Эдема	48
Стансы к совести	49
Блудные дети	50
Чайка	51
«Зима наступает, Вивальди спешит...»	52
Минуты вольного труда	53
«Ты, ласточка, вольна...»	56
Песня	57
Ее портреты	58
Рефлексия	59
«Как шумный ливень, необуздан гений...»	60
«Дискретен мир: в нем счастье — форма...»	61
Аттическая мизантропия	63
Элегия	64
Листопад	65
Стансы	66

ББК 83.3Р
К 60

Колкер Ю.

К 60 «Далека в человечестве. Стихи 1976—
1989 г. Москва. «Интербук». 1990. — 69 с.
ISBN 5—7664—0436—0

«Далека в человечестве» — первая книга стихов Ю. Колкера, изданная в России. Поэт жил и работал в Ленинграде, в начале восьмидесятых был вынужден эмигрировать, но его стихи и по сегодня помнят многие любящие поэзию ленинградцы. Сборник позволит узнать поэта всем, кому дорого глубоко и подлинно существующее русское поэтическое слово.

Б $\frac{4306010000-084}{945(01) - 90}$ без объявл.

ББК 83.3Р

Юрий Колкер

ДАЛЕКА В ЧЕЛОВЕЧЕСТВЕ

С т и х и

Редактор Л. Д. Глебова
Технический редактор В. В. Соколова
Корректор Ж. А. Лобанова

Сдано в набор 03.04.90. Подписано в печать 01.11.90. Формат 70×100/32.
Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 2,92.
Усл. кр.-отт. 3,17. Уч.-изд. л. 4,99. Тираж 3500 экз. Заказ 299. Цена 1 р. 50 к.

Ордена Трудового Красного Знамени Московская типография № 7 «Искра
революции» В/О «Совэкспорткнига» Государственного комитета СССР
по печати.
103001, Москва, Трехпрудный пер., 9.

KOLIKOV
USSR

12.01.86
London

Joy Paul

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

ропущен общий эпиграф к книге:

*Я желал бы только
отстоять пути мои
пред лицом Его.*

Иов 13:15

граница	Строка	Напечатано	Следует читать
7	6	Е.Баратынский	Е.Боратынский
11	3	Е.Баратынский	Е.Боратынский
16	15	<i><пропущена вовсе></i>	И четвертого века китаец
18	14	Правда – время тебя не заботит.	Правда: – время тебя не заботит.
26	24	<i><после нее должен быть пропуск строки></i>	
27	6	<i><после нее должен быть пропуск строки></i>	
31	7	Я слушаю – и сам не нахожу	Я слушаю его – и сам не нахожу
32	24	<i><после нее должна стоять дата></i>	1974-89.
34	13	<i><...>Ты не у моста здесь.</i>	<i><...>Ты не у места здесь.</i>
39	16	Любви – в преломленьи двойном?	Любви, в преломленьи двойном?
39	18	В тот храм опустевший внести!	В тот храм опустевший внести?
43	3	(Где слуги и бьюик для шику)	(где слуги и бьюик для шику)
48	18	<i><...>Горя не знали,</i>	<i><...>Горя не знали!</i>
49	10	<i><...>пространствах ведом</i>	<i><...>пространствах ведбм,</i>
53	3	Мальчик о счастье писал.	Мальчик о счастья писал.
51	13	<i><...>счастье птичье, –</i>	<i><...>счастье птичье.</i>
53	4	Над болью твоей не застонет, –	Над болью твоей не застонет, –
56	18	<i><...>горный дух...</i>	<i><...>горний дух...</i>

